

Глава 1 Завертелось

Гришка битый час топтался на Ильинской возле приюта и тревожно поглядывал на другую сторону улицы... Колокола отрезвонили, службу в Вознесенской церкви давным-давно отстояли, народ разошёлся по домам — обедать. А у него с самого утра во рту маковой росинки не было. Живот свело, ноги гудели. Не просохшая после дождя рубаха липла к озябшей спине.

Задаром токмо столярку прогулял! И всё из-за этого баламошки кучерявого. Послал же Бог товарища! Всю ночь из-за него глаз не сомкнул... Сговорились же увидаться вечером на Покровке, дак нет же... Унесла его нелёгкая... Но вот куда? И в приют ночевать не явился... Не у гимназистки же заночевал? Не по Сеньке шапка — ейная мамзель ни за что бы не позволила... хм, разве что на конюшне...

Из-за поворота вышел Михалыч, принялся сноровисто размахивать метлой. Гришка снова глянул на калитку женской гимназии. Не приметив Гали, да и вообще ни одной живой души, поспешил к дворнику.

— Здорово, Гришаня! — пробасил тот издалека.

— Здорово! — отозвался Гришка и постарался не пачкаться на грязные сапоги дворника.

Эх, короб с ваксой не додумался с собой прихватить. Прохожих тут не густо, не то что на Покровке... Но на чёрствый калач заработал бы. Да и не торчал бы у всех на виду, как распоследний бездельник...

— Матери дожидаешься? — прервал его размышления Михалыч и зацепился взглядом за радужный синяк под левым Гришкиным глазом.

— Она сегодня дома... — Гришка посторонился, чтобы тот не зацепил его метлой.

— А с лицом чаво? Неужто отец расписал?

Гришка вскипел похлеще растопленного самовара, но отвечать не стал...

— На то он и отец... — Неловко вздохнув, Михалыч сменил тему и, задорно подмигнув, кивнул в сторону Мариинки*. — Неужто девок выглядывашь? Приглянулась кака, али так... озорства ради?

* Мариинка — сокращённое от Мариинская женская гимназия, в Российской империи общее название женских школ с семилетним обучением, названных в честь императрицы Марии Александровны (супруги Александра II). Историческое здание гимназии в Нижнем Новгороде сохранилось на ул. Ильинская, 65.

— Обижает! Я сугубо по деловой надобности.

— По деловой? — Михалыч рассмеялся, повёл лукавым глазом. — Чаво так? Парень ты видный! Девки крепких да курносых любят...

Гришка кашлянул:

— Исключительно по деловой! Вот и тебя хотел расспросить. Ты вроде вчера дежурил?

— Было дело! — Михалыч отставил метлу, вынул из кармана махорку, принялся крутить папирску.

— Приятеля моего не видал? Мы с ним давеча в приют наведывались...

— Кучерявый такой?

— Ага!

— Не-е... не видал, — помотал головой Михалыч.

— Пропал он... Думаю, не угодил бы в историю? Ты, энто... Может, слышал чего?

— Ничегошеньки, — пожал плечами Михалыч, — чужих на улице не было. У нас на Ильинке народ порядошный, не балаганит... Угощайси!

— Не курю я!

— Чего так? — гоготнул Михалыч. — Башмачник же — не поповский сын.

— Вони не выношу! — отмахнулся Гришка и отошёл в сторонку.

Михалыч утонул в дымном облаке:

— Вона как... Ну, ежели товарищ запропал, на ярманке ищи-свищи... Там народишко тёмный, всяко бывает!

Выплюнув сжёванную до самого корешка соломинку, Гришка раскланялся с дворником и вернулся к своему наблюдательному пункту.

Так-так! К губернатору Серёжа не навещивался, в приюте его тоже не было... Может, и вправду на ярманку занесло? Ночью? Господи, помилуй...

Гришка перекрестился.

...Случись чего, я бы знал. С утра сводка по тамошней части была, ежели чего — Петрович бы уже сказал. Значитца, точно у ней — больше ему деться некуда. Да вот токмо выйдет ли? Купеческая дочка... Поди ж, на полном пансионе? Даром что живёт через дорогу. Трескает сейчас в своей гимназии французские булочки с ветчиной, молочком запивает. А я тут с голодухи сохну.

Порывшись в заплечном мешке, Гришка отыскал початый кулёчек семечек... Из-за свинцовой тучи вынырнуло солнце и резануло по глазам. Гришка развернулся к нему спиной, глянул на вытянувшуюся тень.

Часа два пополудни...

Две гимназистки выскользнули из-за калитки Мариинки, цокая каблуками и треща без умолку, пересекли Ильинку. Та, что повыше, взмахнула длинной косой, мельком посмотрела в Гришкину сторону.

Никак она? Наконец-то! А то уже все башмаки стоптал...

Гришка пошёл следом, но девиц обгонять не стал. Посмотрел, как они распрощались у Чесноковских хором, и Галя направилась к дому. Гришка присвистнул и прибавил шаг. Девчонка выпрямила спину и ускорила.

Даже не взглянула, ей-Богу, барынька!

Гришка негромко окликнул:

— Галя Николавна!

Галя обернулась, моргнув болотными глазищами, пролепетала:

— Григорий!.. Зачем ты здесь?

— И вам не хворать! — усмехнулся Гришка.

Галя приложила палец к губам, спряталась за угол соседского дома. Гришка юркнул следом:

— Чего шушукать-то?

— Не дай Бог, маменька услышит или заметит кто... Не велено мне с тобой разговаривать! — Девчонка опустила глаза в землю.

— Да уж куды нам с суконным рылом да в калашный ряд? — Гришка покосился на проезжающую мимо телегу.

— Полно тебе, Григорий, не серчай! — Галя коснулась рукой его плеча. — Я не хотела тебя обидеть. Мне надобно тебе рассказать...

Гришка помедлил немного, чтобы не задавалась, прищурился, заглянул ей в лицо:

— Говори, коли нужно...

— Ты Серёжу видел?

В груди у Гришки ёкнуло:

— Нет! Мы с ним давеча вечером условились на Покровке встретиться. А он не пришёл. Случилось чего?

— Случилось. Только что? В толк не возьму. Вчера после обеда мы тоже должны были музицировать. Я его ждала-ждала... Ох, и невоспитанный же он молодой человек, всегда опаздывает. Разве ж можно так с порядочными барышнями?..

— Ты сказывай скорее, не увлекайся!

— Ах да! Тут маменька нагрянула. Я ей про Серёжу всё и рассказала. Она осерчала, бранила меня, мол, кого попало в дом пускаю... Я расплакалась. А тут — он! — Галя попыталась справиться с неожиданно накотившими слезами.

— Кто? — спросил Гришка сурово, стараясь не обращать внимания на эту сырость.

— Серёжа! Стоит на балконе и смотрит на меня сквозь стекло. Я выбежала к нему. Спросила, что он там делает.

Маменька окликнула меня. Не успела я обернуться, а его уже и след простыл.

— С балкона, что ли, сиганул?

— В том-то и дело, что — нет! Я бы заметила. Просто взял и растворился...

— Растворился? А что потом?

— Ничего. Жаннет накапала нам с маменькой валерианы, мы успокоились и пошли раскладывать пасьянсы.

Вот бабы! Человек исчез, а они пасьянсы раскладывают.

Гришка почесал затылок...

Или соврала? Навряд ли... Хм, неужели Серёжа в своё время вернулся? Но как? И мне ничего не сказал... Тоже мне — товарищ!

Гришка чуть было не рванул в мастерскую, но вдруг вспомнил про Серёжину просьбу, снял с головы картуз, вынул из него вчетверо сложенный листок и протянул Гале:

— Чуть не запомнил.

— Что это? — гимназистка смешно вскинула бровки.

— Письмо. Серёжа просил передать!

— Письмо? — Галино лицо просияло. — Мне? Спасибо тебе, Гриша!

Девчонка бросилась на Гришку с объятиями, у того от этой нелепости даже ноги к земле пристыли.

— К чему щенячьи нежности-то? Подумаешь, клочок бумаги с загогулинами.

Галя залилась румянцем, спрятала заветный листочек в карман.

— На досуге почитаю. Пора мне — маменька будет волноваться...

И упорхнула, словно синица. Гришка и глазом не успел моргнуть.

И чего токмо Серёга в ней нашёл? В голове — сплошные «лямуры», никакого соображения.

Обождая немного, Гришка дошёл до Рябининского особняка, приметил раздвоенную липу, притулившуюся к балкону. Оглянулся...

Никого! Пожалуй, лучше всё-таки самому проверить...

Подмигнув белогривым каменным львам, Гришка легко перемахнул через кованный забор. Пригнувшись, добрался до липы. Шустро вскарабкался по ней вверх и притаился в листе. На балкон не полез.

От греха подальше... Не то, чего доброго, растворюсь, как Серёжа, а мне училище окончить надобно!

Сквозь просветы в балконной решётке Гришка разглядел узорчатый стол и соломенное креслице. В креслице жмурилась от солнышка нелепого вида старушка в синей гороховой косынке.

Гришка затаился.

И чего она здесь прохлаждается? Нашла время!

Дальше случилось что-то и вовсе нелепое. Старушка бойко нырнула под стол, встала на четвереньки и прислушалась...

Балконная дверь распахнулась, на припёке перед столом возникла Галина Николавна, всё ещё в плаще и гимназической

форме, с Серёжиным письмом в руках. Не отвлекаясь от чтения, девчонка уселась в опустевшее кресло, пробежалась глазами по листку. Вскинув бровки, прищурилась, перечитала ещё раз. И даже в лице изменилась.

Точно весеннее небо! Сперва озарялось солнечными лучами и вдруг враз заволоклось хмурыми тучами! И всё-таки в ней что-то есть... когда не манерничает.

Наконец, Галя прочла прощальные строки. Смахнула с бледной щеки огромную слезу.

Ну вот, опять! За водой ходить не надо, токмо вёдра подставляй! Ох, и любят эти девицы слезу пустить...

Старушка под столом заегозила. Скрючилась в три погибели, а потом что есть мочи чихнула. Вздрогнув всем телом, Галя выронила письмо и отскочила к двери.

Как ошпаренная кошка! — От беззвучного смеха Гришка чуть с липы не свалился.

Старушка прихватила нежно-розовый ридикюль, пятясь выползла из-под стола, подолом юбки нечаянно смахнула Серёжино послание с балкона.

— Здравствуй, милая, кипяточку не найдётся? — вынув из ридикюля расписной чайник, старушка протянула его Гале. — Согрейся бы бабушке! Погода сырая. Того и гляди простуду подхватишь.

Галя прижалась спиной к двери и уставилась на гостью так, словно увидела привидение:

— Опять вы? Как вы сюда попали?

— Ты, дитяtko, не пужайся! Я бабушка порядочная, не обижу. Хорошо тут у вас, вот и пригrelась на припёке. Чайку выпью да и отправлюсь по своим делам...

Галя дрожащими руками взяла у старушки чайник и, вконец ошарашенная, исчезла за дверью. Бабуся неспешно размяла поясницу, выкатила из-под стола котомку на колёсах, вынула оттуда потрёпанную клетчатую накидку и, завернувшись в неё, смачно хрустнула яблоком. Гришка почуял аромат антоновки и сглотнул слюну.

А что, если это та самая бабуся, про которую Серёжа рассказывал? Как же я сразу не смекетил?

Старушка порылась в кармане, вытащила оттуда часы червонного золота, бормоча что-то себе под нос, принялась вертеться по кругу...

Точно факир из цирка Никитиных! — усмехнулся про себя Гришка.

Перед старушкой снова появилась Галя, без чайника.

— Отдай письмо, ведьма! — проверещала она и вцепилась в пороссячий ридикюль старушки.

— Что ж ты делаешь, дурёха? — выкрикнул Гришка и, перескочив через решётку, ухватил девочку за складчатую юбку. — Пропадёшь ведь...

Досказать он не успел — его крепко дёрнуло. Так, будто телега на ходу перевернулась! Всё завертелось, словно на карусели, и стало совсем темно...

Очухавшись, Гришка увидел, как из темноты вынырнула похожая на электрический вагон гудящая махина и ринулась на него! Он остолбенел...

Чьи-то руки ухватили Гришку за плечи и оттолкнули в сторону. Перед его глазами мелькнуло перекошенное лицо гимназистки.

— Чтоб тебе пусто было! — взревел он.

— Ты чего-о? — возмутилась Галя. — Жи-и-ить надое-ло-о-о?

— Полно тебе, не тряси, и без того в голове звенит! — Гришка потёр виски ладонями и огляделся...

Они стояли прямо у дороги. По ней, словно кони на скачках, неслись разноцветные, не запряжённые лошадьми колымаги со стеклянными окнами. Бока у них были гладкие и блестящие, словно у начищенного самовара. Некоторые истошно гудели...

— Так энтэ же моторные экипажи. Ого, как много! Под вот энтот длинный я чуть было не угодил...

— Гриша, где мы? — девчонка уцепилась за Гришкин локоть, точно за буксирный трос.

— Где-где? В будущем! Видишь моторные экипажи, мне про них Серёжа сказывал, называются — автомобили!

Галя осела перебродившей опарой:

— То есть как — в будущем? Ты что, умом тронулся? Гришка усмехнулся:

— Наворотила делов, и я ж виноватый! Думать надо было, когда на бабуся кидалась. Ты токмо того... в обморок не падай, а то ещё, чего доброго, лоб расшибёшь.

— Так откуда же я знала, что так выйдет? — Галин подбородок задрожал, из распахнутых глаз брызнули слёзы.

— Реветь потом будешь, а сейчас бабуся искать нужно. Нам без неё отсюдова не выбраться! Да и мне поспешать нужно, столярку я из-за тебя прогулял, к слесарке, даст Бог, поспею! — Гришка повертел головой. — И куда она могла подеваться?

По мостовой суетливо шагали смешно одетые люди... Но старушки нигде не было. Да и место было незнакомое.

Вдалеке виднелся покрытый молодой зеленью сквер. Вдоль дороги выстроились в ряд опрятные каменные здания в два-три этажа. На противоположной стороне улицы теснились дома посolidнее, с большими витринными окнами. На углу одного из них белела табличка с названием: «Проспект Ленина». В доме напротив располагалась то ли ресторация, то ли кофейня с надписью «Моё кафе».

И что за грамотей писал? В слове «проспектъ» забыл «ер» поставить, а в «Ленинъ» и вовсе в окончании «азъ» прилепил. Даже я заметил! И что за Лена такая, коли ейным именем цельный проспект прозвали? — озадачился Гришка, но не успел додумать, нужна ли в этих вывесках буква «ять», потому как гимназистка ткнула его локтем под рёбра:

— Смотри!

Галя рванула в сторону перекрёстка, по которому толпа переходила на другую сторону. Автомобили расступились перед живо шагающими людьми и застыли в ожидании.

Стараясь не отставать от девчонки, Гришка всматривался вдаль, но старушки не заметил:

— Где она? Ты её видишь?

— Вон там, на другой стороне улицы, за мужчиной в полосатом пиджаке. Гляди, тележка выглядывает!

— Бежим! — Гришка схватил Галю за руку и ринулся наперерез, виляя между гудящими автомобилями. — Давай сюда!

Они уже почти добрались до края дороги, и вдруг гимназистка громко вскрикнула... Её ладонь выскользнула из Гришкиной руки. Нёсшийся им навстречу автомобиль со скрежетом остановился. Галя споткнулась и налетела на машину, словно брошенная по бабкам бита. Из автомобиля выскочил взъерошенный мужчина в очках и кинулся к распластавшейся на асфальте гимназистке...

Галя лежала на боку. Плащ распахнулся, платье задралось, из-под него выглядывали кружевной край нижней юбки и испачканный кровью съехавший ниже колена чулок...

Гришка отвёл глаза в сторону и никак не мог двинуться с места. Сердце обмерло. Тело будто паралич пронял.

Как же так? Неужто кончено? — к Гришкиному горлу подкатила горечь... — Всё из-за меня?

